

СПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Крымский писатель Анатолий Милявский готовит новую книгу прозы, куда войдут воспоминания о встречах с известными писателями и деятелями искусств — К. Г. Паустовским, И. О. Дунаевским, Назымом Хикметом, С. Я. Маршаком, П. А. Павленко, Г. Н. Петниковым. Большинство этих встреч связано с Крымом. Предлагаем отрывок из будущей книги.

С ДУНАЕВСКИМ я познакомился случайно в 1951 году. Кто-то из крымчан, находившийся с ним в переписке, сообщил обо мне и послал несколько моих стихотворений, а вскоре я по его просьбе прислал ему свою первую книжку стихов «Заре навстречу». Честно говоря, не очень надеялся, что известный советский композитор всерьез заинтересуется моим творчеством. Но вскоре получил от Исаака Осиповича очень любезное письмо: «Дорогой товарищ Милявский! Я с большой симпатией отношусь к вашему творчеству и только жду возможности, чтобы теснее с вами связаться для совместной работы. Уже в присланных вами стихах есть тактике, которые я бы с удовольствием положил на музыку. Это относится и к печатному сборнику, это относится и к рукописным вашим текстам».

В конце письма Дунаевский предлагал написать для него пробный текст песни. Я с жаром засел за работу. Мне хотелось сделать песню как можно лучше. Через месяц послал Дунаевскому текст «Майской студенческой». Приведу здесь две первые строфы с припевом.

**Майский ветер шумит
на просторе
По родной неоглядной стране.
Из распахнутых аудиторий
Мы выходим навстречу весне.**

**Посмотрите, как мир
необъятен,
Сколько дел несвершенных
вдали,
Сколько белых неведомых
пятен
На великих просторах
земли.**

**Ну-ка, ветер, вдогонку спеши
нам.
Мир для смелого сердца
широк.**

**Только тот достигает
вершины,
Кто крутых не боится
дорог.**

Очень скоро я получил ответ от композитора. «Дорогой Анатолий! — писал он. — «Майская студенческая» меня заинтересовала. Я хочу обязательно урвать время для того, чтобы написать на нее музыку, но для этого придется вас просить подвергнуть ее нежесто-

рой переработке, что я позволю себе сделать, как только мне удастся наметить предварительные эскизы музыки».

Переписка наша продолжалась еще некоторое время, но, наконец, прибыв на Всесоюзное совещание молодых писателей, я впервые смог повидать его в доме на Можайском шоссе. Не без трепета нажал я кнопку звонка на пятом этаже.

Мне открыл сам Дунаевский. Я увидел невысокого подвижного человека в белой рубашке и пижамных брюках. В его облике не было ничего особенно примечательного или запоминающегося, если не считать глаз — очень живых, ярко янтарного цвета, которые придавали его лицу неожиданно озорное и слегка насмешливое выражение.

Мы прошли в его маленький кабинет, почти целиком занятый огромным белым роялем, и я почему-то подумал, что здесь есть какая-то символическая связь с местом, которое занимает в его жизни музыка. Исаак Осипович усадил меня на узенькую тахту, а сам принялся рассказывать вокруг, то и

дело подходя к роялю и трогая лежащие на его крышке ноты и рукописи.

С той поры прошло много лет, я не раз бывал впоследствии в этой комнате, но первая встреча очень ярко запечатлелась в моей памяти.

Разговор налачился не сразу. Дунаевский расспрашивал меня о работе, о стихах и незаметно втянул в беседу. Коснулся его текста «Майской студенческой». Исаак Осипович вдруг сказал:

— А знаете, что плохо? Вы шли по проторенной дорожке, старались как-то подделаться под уже известные мои песни. А нужно быть самостоятельным. Песня требует не только простоты и ясности, но и самобытности. А то у нас слишком много плохих, но уж очень похожих друг на друга песен? И еще: тяжеловата вот эта строка «Из распахнутых аудиторий». Попробуйте, спойте: «а-у-ди-торий», и он для убедительности неожиданно пропел скрипучим голосом спорную строку...

Разговор коснулся поэтов-песенников, и Дунаевский высоко

отозвался о творчестве недавно умершего Сергея Алымова.

— Он понимал песню, ох как понимал, — задумчиво сказал Исаак Осипович. — И всегда оставался Алымовым. И подтекст очень чувствовал. Словом, был настоящим песенником. Жаль, жаль Сергея.

Я спросил, кто из современных поэтов больше всего нравится Дунаевскому. Он ответил, подумав:

— Пожалуй, Исаковский... Он больше ничего не прибавил. Но мне показалось, что он не договорил о каком-то сокровенном желании.

А вскоре вышел кинофильм «Кубанские казаки», и я поздравлял его с чудесными песнями.

В один из моих приездов зашел разговор о целесообразности и месте песни в фильме. Помнится, я заспорил и сказал, что постановщики непременно стараются наделить кинокартину песней, что это не всегда оправданно и стало какой-то непременной традицией.

Дунаевский, улыбаясь, выслушал меня.

— Что ж, это очень неплохая

традиция, — сказал он, осторожно поглаживая клавиши рояля. — Я горячий сторонник этой традиции. Нужно только, чтобы песня, музыка органически входила в сюжет. Вот, например, «Свинарка и пастух». Ведь хорошо, правда?

В этой связи я спросил о «Весне». Может быть, меня толкнули на это всякие на стене фотографии, где молодой и веселый Дунаевский в рубашке «апаш» стоял рядом с Орловой и Александровым. Лицо Исаака Осиповича сразу омрачилось. Видно, что ему было трудно и неприятно говорить об этом.

— Картина не удалась, — сухо сказал он. — Всякие американизированные трюки загрохотали в ней то большое содержание, которое задумывали мы с Александровым. И моя музыка стала придатком, ненужным украшением, хотя на нее было потрачено много сил и души. Я был на просмотре «Весны» в Доме кино и с тех пор ни разу не ходил ее смотреть.

Дунаевский мог часами говорить о музыке, особенно, если

находил заинтересованного собеседника. Но о своем творчестве говорил скупой и неохотной. Как-то раз, увидев на рояле листы партитуры «Белой акации», я попросил сыграть какой-нибудь отрывок. Он вежливо, но решительно отказался:

— Это еще не остыло...

Я всегда поражался его любознательности и доброму отношению к молодежи. Помню, как-то застал его за роялем: он играл песню молодого владивостокского композитора (фамилия его не сохранилась в моей памяти) и искренне восхищался.

— Какой способный парень! — говорил он. — Не хватает только музыкальной культуры. Надо обязательно написать ему.

По его просьбе я прислал ему изданные в Крыму сборники песен местных композиторов. Он нашел время внимательно просмотреть их. С похвалой отозвался о симферопольце Хейфеце-Поляковском, заметив, однако, по поводу песни «Колхозная лирическая»:

— Очень уж увлекается полифонией. Любит пеструю оркестровку. А здесь это ни к чему...

Я попробовал возразить, сославшись на его собственную «Дорожную». Композитор улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Не спорьте. Здесь — дорогие звуки, разнообразие пролетающих за окном картин, стук паровозных колес. Пестрота здесь оправдана. А у вас — степь, что-то широкое, спокойное, цельное. Нет, нет, передайте ему — пусть не увлекается синкопами и бравурной оркестровкой. Пользоваться этим нужно очень экономно.

В последнюю нашу встречу он много говорил о желании приехать с концертами в Крым.

— Я ведь когда-то заведовал музыкальной частью вашего Крымского драматического театра, — говорил он. — Вот недавно перечитывал ваш сборничек, и мне очень захотелось побывать в Севастополе и побродить у Черного моря. Побродить, помечтать... Об этом городе нужно написать хорошую песню. Правда?

К сожалению, этого не случилось. Но, когда я слышу песню из «Белой акации», почему-то вспоминаю его слова. И, если мне когда-нибудь посчастливится написать хорошую песню о Севастополе и Черном море, посвящу ее памяти замечательного человека — Исаака Осиповича Дунаевского.

Анатолий МИЛЯВСКИЙ.